

V.

Введенія въ отдѣльныя книги Генеалогій показываютъ въ нихъ авторѣ ту-же внимательность къ литературной обработкѣ и то-же стремленіе къ картинности и разнообразію, какія онъ обнаружилъ въ прологахъ къ *De Casibus*. Онъ началъ съ Демогоргона и, чтобы лицедрѣть его и его ближайшее отродье, спустился въ своей ладѣ въ глубь земли на стигійскія воды (сл. послѣсловіе къ посвященію королю Гуго). Путь былъ трудный, среди мрака и тумана, но вотъ ладья выводитъ его на свѣтъ, родъ Эaira и его сына, Юпитера, увлечетъ его къ берегамъ Египта и Сиріи—и къ царству короля Гуго, Кипру¹⁾. Онъ плыветъ по «древнему морю заблужденій», когда среди волнъ и скалъ ему предсталъ древній старецъ, философъ Нуменій. Боккаччо развиваетъ здѣсь²⁾ фразу Макробія³⁾, будто Нуменію боги объявили въ сновидѣніи свой гнѣвъ, что своимъ толкованіемъ онъ оповѣстилъ людямъ тайнства Елевзиса. И меня, какъ всѣхъ богослововъ, то-есть поэтовъ⁴⁾, занимало то-же, что и тебя, предупреждаетъ автора Нуменій и рассказываетъ, какъ однажды въ глубокомъ снѣ онъ увидѣлъ елевзинскихъ богинь: онѣ были въ одеждѣ блудныхъ женъ и отдавались каждому проходящему. Нуменій дивится: что случилось съ цѣломудренными богинями? а онѣ отвѣчаютъ ему гнѣвно: Тебѣ ли спрашивать, преступный сводникъ? Самъ ты всему причиной, насъ, дѣвственныхъ и цѣломудренныхъ, ты схватилъ за волосы и насильно влечешь на общественный позоръ⁵⁾. Хотя и одержимый сномъ, Нуменій понялъ, чего не уразумѣлъ на яву: что священныя тайнства удѣлъ многихъ — и онъ оставилъ свое намѣреніе, уговариваетъ оста-

---

1) II, введеніе.

2) III, введеніе.

3) In somnium Scipionis I, c. 2; сл. Gen. Deor. I, 3.

4) Theologizantium, scilicet poetarum.

5) In publicum lupanar.

вить и Боккаччо примѣрами Еризихеона, Пентея, Ніобы; тайны божества нельзя безнаказанно открывать людямъ. Изъ какихъ областей явился ты? спрашиваетъ его авторъ, съ трудомъ оставившая ладью; судя по сѣрному запаху и по закоптѣлому лицу — видно, что изъ ада. Это Плутонъ хочетъ запугать меня, какъ прежде страшалъ язычниковъ. Но пали старыя цѣпи, притупилось оружіе древняго врага, мы побѣдили, искупленные драгоценною кровью. Я не открываю ложницъ твоихъ богинь, обителей твоихъ боговъ, чтобы увидѣть ихъ мерзость, а дабы показать, что поэты, если право было ихъ представленіе о богѣ, достойны славы и уваженія. Ты пугаешь меня гнѣвомъ боговъ! Но и тебѣ и имъ и всѣмъ столь же неразумно вѣрующимъ — единъ Богъ Иисусъ Христосъ. — Тутъ Нуменій исчезъ, и авторъ готовъ выплыть въ Эгейское море — разыскивать родъ Целія, съ молитвой къ Тому, кто послалъ волхамъ путеводную звѣзду.

Введеніе въ IV-ую книгу продолжаетъ эту картину: поднимается страшная буря, точно титаны снова пошли на приступъ неба — и авторъ прославляетъ молніи Юпитера, молить удвоить наказанія, цѣпи для преступныхъ. Буря улеглась по повелѣнію Божію ¹⁾, авторъ можетъ, наконецъ, выйти въ море и издали созерцать исполинскія тѣла титановъ, полубожженныя, почернѣлыя, съ знаками цѣпей по всему тѣлу. — Но вѣтры стихли, парусъ лѣниво и устало прильнулъ къ мачтѣ; если Юпитеръ утомился, мечя молнію, можетъ отдохнуть и авторъ: онъ выходитъ на аттическій берегъ, взобрался на холмъ, осматривается, и память подсказываетъ ему: вотъ горы Аркадіи съ ихъ мифологическими воспоминаніями; Аѳины, скорѣе ихъ развалины; авторъ смѣется надъ неразуміемъ людей, которые считали ихъ бессмертными ²⁾; а какъ они блистали въ былое время своими философами и поэтами, славой царей и побѣдами! Двуглавый Парнассъ вызываетъ въ авторѣ чувство благоговѣнія; онъ скорбитъ о запу-

1) *Jubente deo.*

2) См. этимологию въ V, 48.

стѣни касталійскаго источника; видитъ гротъ дельфійскаго Аполлопа, гдѣ древній врагъ увлекалъ къ гибели своими вѣщаніями — теперь онъ нѣмъ и безсловесенъ, нѣтъ ни статуи, ни драгоценныхъ камней, все поросло ползучими растеніями, такъва Божія воля, возвѣщаемая не запутанными рѣчами ¹⁾, а голосомъ святыхъ и пророковъ. Далѣе: видѣніе Оивъ, Лакедемона (второго ока Греціи), Коринѳа ²⁾.

Ладья пристала къ устьямъ Тибра; авторъ уже готовъ отдаться своимъ археологическимъ впечатлѣніямъ («золотой Римъ», славный своею священной бѣдностью), какъ память о Дарданѣ (родоначальникѣ Энея и Энеадѣ) побуждаетъ его повернуть къ меонійскому берегу ³⁾. Лишь недавно покинулъ онъ Эльзу, что у Черталдо, и тосканскій Арно, для далекаго плаванія, какъ внезапно перенесенъ къ берегамъ Океана и объять трепетомъ: вся слѣдующая книга посвящена отродью Океана ⁴⁾. Въ бурю поднимается туманное, злобное свѣтило Сатурна ⁵⁾, и слѣдуетъ его генеалогія; авторъ держитъ путь къ Италиі ⁶⁾, но затѣмъ къ Самосу, гдѣ развалины храма Юноны вызываютъ въ немъ горькія размышленія: люди, христіане, способны на все, когда дѣло идетъ объ ихъ обогащеніи: сверлить нѣдра горъ, странствовать по сѣвернымъ снѣгамъ, испытывать жару эіоповъ, усыплять ливійскихъ змѣй, бороздить океанъ, а коли можно, пробраться и на небо; но они же грабятъ на морѣ, устраиваютъ засады на дорогахъ, вламываются въ дома, лжесвидѣтельствуютъ ⁷⁾, проливаютъ невинную кровь, всюду, гдѣ можно, тиранствуютъ и насильничаютъ. Но къ чему это обогащеніе, къ чему брэнная роскошь палатъ и пировъ и утвари, когда нашей честью, нашей красой и

---

1) *Implicitis vocibus.*

2) Введеніе въ V-ю книгу.

3) Введеніе въ VI-ю книгу.

4) Введеніе въ VII-ю книгу.

5) Введеніе въ VIII-ю книгу.

6) Введеніе въ IX-ю книгу: *in Laurentium littus.*

7) *Falsas signare tabellas.*

славой владѣютъ недостойные? Славный городъ Иерусалимъ въ рабствѣ у агарянъ, христіанскія святыни обезпечены мерзостью варваровъ! Что за непростительный позоръ! Жители небольшого острова вытесывали изъ горъ колонны, отрывали громадные камни, тратили массу золота, чтобы возвести храмъ непотребной женщины, а Европа не думаетъ вывести въ море свои флоты, взяться за оружіе, чтобы вырвать святыню изъ рукъ трусливыхъ враговъ, смыть съ насъ позорное пятно, возвести храмъ не на землѣ, а вѣчный, на небѣ! Но къ чему даромъ тратить слова? Косныхъ накажетъ Господь, онъ обездолитъ и любостяжателей.

Десятая книга, посвященная роду Нептуна, заводитъ ладью автора въ Средиземное море; его восторженный панегирикъ культурному значенію мореходства¹⁾ напоминаетъ рѣчи Стильбона въ XIII эклогѣ²⁾; обмѣнъ товаровъ вызываетъ общеніе народовъ, ихъ нравовъ³⁾ и языковъ — и Боккаччо не находитъ на этотъ разъ тѣхъ возраженій, которыя влагаль когда-то въ уста Дафниса.

Изъ Ахайи ладья принесла автора въ Сицилію. Ему осталось разсказать генеалогію третьяго Юпитера, котораго почитали отцомъ и царемъ всѣхъ боговъ. Но какъ быть? Ему не взобраться на небо, не увидѣть всего, о чемъ знали «священные богословы язычества»: каковы палаты Зевса, какъ боги собираются тамъ на совѣщанія, какъ изрекаются законы и распредѣляются власти на устроеніе смертныхъ. Авторъ палъ духомъ, когда его ладью внезапно увлекло къ Криту; тутъ повязка спала съ его глазъ и, просвѣщенный свыше, онъ призналъ колыбель и гробницу Юпитера, не того, кого онъ мнилъ правителемъ неба, а простого смертнаго⁴⁾.

1) Введеніе въ X-ю книгу.

2) Сл. выше т. I, стр. 15; т. II, стр. 58—9.

3) Ritus.

4) Proletarii Jovis; сл. введеніе въ XI-ю книгу.

Когда пройдена большая часть пути, возницѣ полагается дать конямъ передохнуть, напиться и попасться по цвѣтущему лугу ¹⁾, пока самъ онъ выпьетъ и поспитъ у гостинника; пахарь отпрягаетъ воловъ и пускаетъ ихъ на свободу, хотя и не все поле еще взорано, а самъ, поѣвъ, пѣсней забывается въ лѣсной тѣни отъ тяжелаго труда. Такъ поступаетъ и воинъ, такъ хочетъ поступить и Боккаччо; кстати, частыя остановки полезны для памяти. И вотъ онъ представляетъ себѣ, что вышелъ на авзонійскій, бѣдный пристанями ²⁾ берегъ и любитъ остатками древности: здѣсь Кумы, храмъ Дедала и гробница Мизена, островъ Инарима (Искія), когда-то приютъ обезьянъ, и оторванная отъ него Прочада; шумныя устья Вильтурна и Лириса, туманы Фюзинскаго озера и Линтернскія болота, памятные изгнаніемъ и смертью Сципіона Африканскаго; напротивъ помѣстье М. Скавра, еще носящее его имя; развалины Формій и другихъ римскихъ и кароагенскихъ сооружений ³⁾. О какъ возрадовался я духомъ, увидѣвъ, что Италия славою своихъ дѣлъ не только равна болтливой Греціи, но и превосходитъ ее! заключаетъ Боккаччо; онъ отдохнулъ на знакомомъ пейзажѣ байскаго берега и тотчасъ отправляется въ путь — во Фрягію, гдѣ ожидаетъ его потомство Тантала ⁴⁾, а дагѣ къ Фивамъ и на Элійскіе острова, къ отродью Геркулеса и Эола ⁵⁾.

1) Введеніе въ XII-ю книгу: *exonerare vesicam permittere et recenti fluvio atque florido recreari prato.*

2) *Importuosum.*

3) *L. c.: veteres Cumae chalcidiensium opus, Daedali templum, Miseni tumulus atque Juliae aquae admiratione tenebant animum, et ex opposito Inarimae vetus simiarum hospitium et ex Inarimae excussa Prochita distrahebant; sic sonantes revolutionibus aestuantium fluminum Vulturni fauces atque Lyris, Fusini nebulae et Linterni paludes, exilio et morte amplissimi viri primi Africani nobilitatae; et in conspectu fere M. Scauri villula suo adhuc insignis nomine atque Formiarum fere deleta vestigia, et longiuscule in radicibus montium Calenus, Stelenates atque Campanus agri mira fertilitate conspicui, et supereminentia agris oppida Suessa, Theanum, Sidicinum, Caselinum, Thelesiae et alia plura tam romanorum quam carthaginiensium monumenta.*

4) *L. c.*

5) Введеніе въ XIII-ю книгу.

У Боккаччо была издавняя склонность къ географическимъ подробностямъ, особенно если онѣ удовлетворяли вкусамъ археолога. Уже въ первомъ романѣ онѣ тщательно выписывалъ маршруты своихъ героевъ, Флоріо и Бьянчифоре, обставляя ихъ рядомъ древнихъ воспоминаній. Все это сказалось и на «введеніяхъ»; кстати Географическій словарь Боккаччо составлялся параллельно съ Генеалогіями, авторъ нашелъ въ немъ подходящій матерьялъ, какъ не брезгалъ и другими средствами стилистическаго развитія. И въ Генеалогіяхъ, какъ въ остальныхъ его ученыхъ трактатахъ, много общихъ мѣстъ, замѣтокъ по поводу, свѣдѣній и сентенцій, выходящихъ за предѣлы сюжета, но часто интересныхъ своимъ личнымъ колоритомъ. Взглядъ на женщину отрицательный, какъ вообще въ произведеніяхъ по-декамероновской поры ¹⁾, любовь понята реально ²⁾, это нѣкое страстное движеніе, воспринятое извнѣ тѣлесными чувствами и усвоенное силами духа, подъ вліяніемъ свѣтилъ ³⁾; троякое дѣленіе любви по Платону и Аристотелю напоминаетъ размышленія Фьямметты въ юношескомъ романѣ Боккаччо (Филоколо) ⁴⁾; въ несчастномъ бракѣ присутствуютъ Фуріи ⁵⁾—и лишь въ уединеніи, вдали отъ всѣхъ, мы какъ бы похищаемъ истину ⁶⁾. Тѣ же намеки и нареканія на честолюбіе правителей ⁷⁾, на тиранновъ въ противоположность съ праведными царями ⁸⁾; Полифемъ типъ тиранна: онѣ одноглазый, ибо тиранны думаютъ лишь о себѣ, не помышляя ни о богѣ, ни о подданныхъ ⁹⁾; по поводу сиренъ намекъ на со-

1) IV, 44 съ ссылкой на Петрарку; V, 10: болтливость; IX, 8: по Исидору; X, 57: жадность; XI, 8: искусственно умножаютъ свою красоту.

2) III, 22; VI, 51.

3) IX, 4: *mentis quaedam passio ab exterioribus illata et per sensus corporeos introducta et intrinsecarum virtutum approbata, praestantibus ad hoc supercaelestibus corporibus aptitudinem.*

4) I, 15; сл. выше, т. I, стр. 169 и прим. 1.

5) III, 6.

6) IV, 44: какъ Прометей огонь; сл. XI, 2: о поэтахъ.

7) III, 11.

8) IX, 27.

9) X, 14.

бланы Авиньона: сирены и демоны плясали въ Вавилонѣ, говорилъ боговдохновенный пророкъ Исаяя — что, быть можетъ, оправдалось и на новомъ ¹⁾. Природа щедра не къ однимъ лишь благороднымъ, хотя судьба и окружаетъ ихъ бѣльшимъ блескомъ ²⁾. Рядомъ съ старыми разсужденіями о значеніи сновъ ³⁾, о вліяніи свѣтилъ ⁴⁾, объ аллегоріяхъ лавра ⁵⁾ и павлина ⁶⁾, встрѣчаемъ замѣчанія о случайномъ открытіи огня въ связи съ развитіемъ человѣческаго языка и культуры ⁷⁾, трактаты о хронологіи ⁸⁾, о дѣленіи ночи и дня ⁹⁾, о вѣтрахъ ¹⁰⁾ и пути Язона ¹¹⁾. Мимоходомъ говорится о рождественскомъ обычаѣ «божича», который соблюдалъ отецъ Боккаччьо ¹²⁾, о гробницѣ Рема ¹³⁾, за которую Боккаччьо и Петрарка принимали пирамиду Каія Цестія, о находкѣ при императорѣ Генрихѣ III гигантскаго тѣла Палланта ¹⁴⁾ и подобной же, недавней находкѣ ¹⁵⁾ въ пещерѣ подъ Дрепаномъ: исполина, локтей въ двѣсти вышины, который отъ прикосновенія разсыпался въ прахъ; его зубъ, вѣсомъ въ сто унцій, повѣсили въ церкви св. Аннунціаты. Это разсказано по поводу гигантовъ.

---

1) VII, 20.

2) XIII, 1: *quamquam nobilium corpora fortuna faciat clariora.*

3) I, 31; см. выше стр. 296 и прим. 2.

4) I, 10; III, 22; IX, 4.

5) VII, 29.

6) IX, 1. См. аллегоріи лавра и павлина въ биографіи Данте, выше стр. 291, 296.

7) XII, 70.

8) VIII, 2.

9) I, 9, 34.

10) IV, 54: *генуэзцы—лучшіе мореплаватели.*

11) XIII, 26.

12) XII, 65; см. выше т. I, стр. 12.

13) IX, 50.

14) XII, 60, 67; см. разсказъ Альбани въ *Spicilegium Romanum* t. VIII, стр. 263.

15) IV, 68: *his diebus*; X, 14: *his temporibus.*